

Елена
Арсеньева

Блистательные
изгнанницы



Исторические
новеллы
любви

Блистательные изгнанницы

Елена Арсеньева

**Княгиня Ничего-Не-Знаю
(Княгиня Вера-Вики Оболенская)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Княгиня Ничего-Не-Знаю (Княгиня Вера-Вики Оболенская) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Блистательные изгнанницы)

ISBN 5-699-09962-X

Великая и прекрасная Россия, в которой эти женщины родились, осталась лишь в воспоминаниях и мечтах... В реальности же им, убежавшим от новых порядков страны, принять которые они не смогли, родиной стала чужбина. Но и там, где пришлось начинать все сначала, не имея ничего, кроме высоких титулов, эти изгнанницы оставались блистательными и неподражаемыми. Великая княгиня Мария Павловна – двоюродная сестра последнего российского императора Николая II, балерина Тамара Карсавина, героиня французского Сопротивления княгиня Вера Оболенская... Об их непростых судьбах и пойдет речь в книге исторических новелл Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-09962-X

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

От автора	5
Княгиня ничего-не-знаю	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Елена Арсеньева

Княгиня ничего-не-знаю

Княгиня Вера-Вики Оболенская

От автора

Безумный, безрассудный ураган сметает все на своем пути, вырывая из земли и пышные садовые цветы, и скромные полевые цветочки, и влечет их неведомо куда, за горы, за моря, швыряет на убогую, чужую почву. И улетает дальше, оставив эти несчастные, истерзанные растения погибать. Но вот какому-то цветку удалось зацепиться корнем за землю-мачеху... а там, глядишь, приподнял голову и второй, да и третий затрепетал лепестками... Они ужасаются, они отчаиваются, они зовут смерть, потому что жизнь кажется им невыносимой. Однако они вырастают в чужбину, живут, живут... и сами дивятся: как же это возможно после того, что они испытали, что они потеряли?

У них больше нет ни дома, ни страны. У них все в прошлом. Вот уж воистину, совершенно как в модном романсе – все сметено могучим ураганом! Пора забыть прежние привычки, громкие имена и титулы, вековую гордыню, которая уверяла их в том, что они – соль земли, смысл существования тех миллионов простолюдинов, которые вдруг обезумели – и вмиг превратили спокойное, процветающее государство, называемое Российской империей, в некое вместилище ужаса, боли и страданий. Здесь больше нет места прежним хозяевам жизни. Титулованные дамы, представительницы благороднейших родов Российской империи; знаменитые поэтессы; дети ведущих государственных деятелей; балерины, которых засыпали цветами, которым рукоплескали могущественные люди страны; любовницы именитых господ – они вдруг сделались изгнанницами. Блистательными, вернее сказать: некогда блистательными! – изгнанницами. И нет ни времени, ни смысла надеяться на чудо или ждать помощи от мужчин. Просто потому, что чудес не бывает, а мужчины... им тоже надобно бороться за жизнь.

В этой борьбе женщинам порою везло больше. Прежняя жизнь была изорвана в клочья, словно любимое старое платье, а все же надобно было перешить ее, перелицевать, подогнать по себе. Чисто женское дело! Некоторым это удавалось с блеском. Другим – похуже. Третьи искололи себе все пальцы этой роковой игрой, но так и не обрели успокоения и удачи.

Их имена были гордостью Российской империи. Их родословные восходили к незапамятным временам. В их жилах струилась голубая кровь, это была белая кость – благородные, образованные, высокомерные красавицы. Они нищенствовали, продавали себя, работали до кровавого пота ради жалких грошей. Они ненавидели чужбину – и приспособливались к ней. Они ненавидели покинутую родину – и боготворили ее. За нее они молились, на нее уповали... умирали и погибали с ее именем на устах.

Русские эмигрантки.

Блистательные изгнанницы.

Отвергнутые Россией...

Княгиня ничего-не-знаю Княгиня Вера-Вики Оболенская

– Сирил, давай, давай! – Метрдотель нетерпеливо подтолкнул в бок официанта, и тот с трудом удержал на весу поднос, заставленный бутылками. – В кабинете ждут!

Кирилл Макинский и так спешил как мог. Еле разминувшись с парой, которая откалывала чарльстон. Ноги партнерши разлетались с невообразимой быстротой! Кавалер, впрочем, тоже был отменный танцор. И, даже увернувшись от Кирилла, они умудрились не запнуться и не отстать от стремительной музыки. Пианист в кабаре «Монте-Кристо» на Монпарнасе был настоящий виртуоз, не всяк за ним мог угнаться, а эти двое – легко.

– Пардон, мсье! Пардон, мадам! – выкрикнул Кирилл и влетел в кабинет.

Одного взгляда хватило, чтобы понять: его и впрямь заждались. А ведь и получаса не минуло, как он принес сюда шесть бутылок вина и три – шнапса. И вот они уже пусты, и принесенные прежде – тоже пусты. Крепки же офицеры из штаба генерала Штульпнагеля, главнокомандующего вермахта во Франции! Батареи бутылок, кителя, брошенные на спинки стульев, полуголые девицы на коленях у офицеров... А между тем выражение раскрасневшихся лиц у всех однообразно-унылое. Чего это их выпивка не веселит, а, наоборот, печалит?

Кирилл со щегольским стуком составил бутылки с подноса и принялся лихо вывинчивать штопором пробки одну за другой. Он был чрезвычайно доволен собой. В сентябре прошлого года он потерял работу преподавателя английского языка в католическом институте – гитлеровцы вторглись во Францию, и английский язык стал, мягко говоря, не престижен. Кирилл Макинский случайно встретил на улице отца одного своего бывшего ученика. Этому господину принадлежало кабаре «Монте-Кристо», и оно пришлось по вкусу высшим полицейским чинам, а потому работало всю ночь, несмотря на полицейский час, введенный новыми властями. Кирилл усмехнулся: ему-де случалось выпить бутылку шампанского, да вот беда, открыть ее сам он не сумеет. Ничего, бодро сказал хозяин «Монте-Кристо», это дело наживное. Куда важнее, есть ли у месье Макински смокинг и умеет ли месье его носить.

– О да! – насмешливо кивнул Кирилл.

Это и решило дело: работодатель очень заботился о том, чтобы в его заведении служили господа благородные, а ведь Сирил Макинский был настоящий князь. Правда, русский, правда, бывший, ныне нищий, но все же...

Оказывается, открывать шампанские и прочие винные бутылки – не самое трудное в жизни дело. Как говорится, не боги горшки обжигают, отнюдь не боги!

– Чего еще изволят месьедам? – бодро спросил Кирилл, убирая штопор и перекидывая через руку салфетку. Мелькнуло воспоминание о каком-то половом в трактире, виденном еще в России... А, да ладно переживать, тот половой как-никак не говорил по-французски! – Вино? Быть может, изволите еще закусить?

– Тащи, все тащи! – махнул рукой рыжеволосый гауптман в криво сидящем расстегнутом кителе – он единственный из всех не обнажился, зато на девице, которая сидела у него на коленях, осталась только смятая юбочка. – Хоть погуляем напоследок. Как подумаешь, что всему этому через восемь дней конец... Мы ведь отправляемся в Россию!

Салфетка соскользнула с руки Кирилла.

– Пардон! – пробормотал он, подхватывая ее на лету, и принялся быстренько составлять на поднос пустые бутылки. – С вашего позволения... – И выскользнул за дверь.

Метрдотель неодобрительно покосился на него. Он совершенно не понимал прихоти хозяина, который взял на работу этого человека, хотя многие французы мечтали о таком тепленьком местечке, как работа официантом в кабаре «Монте-Кристо». Причем мечтали люди

опытные! А этот... Конечно, он поднаторел за последних полгода, раньше-то вообще руки были как крюки. И все же туповат. Ну кто же потащится с подносом, уставленным пустыми бутылками, прямиком через танцевальный зал? Конечно, там всего лишь одна пара осталась сейчас-то, в шестом часу утра, все те же заядлые танцоры, которые недавно разбрасывали ноги в чарльстоне, а теперь плавно скользят в медленном фокстроте. Медленный-то он медленный, а все же лучше по стеночке обойти, не то столкнешься. Ну вот! Мой бог, какой ужасный грохот!

Бутылки с подноса, который нес *этот* официант, попадали на пол, криворукый князь пал рядом на колени, пытаясь их собрать. Танцоры, издав единодушный сочувственный вскрик, принялись ему помогать. Метрдотель только головой покачал, глядя, как милая дама в прелестном платье – ну сущий манекен из модного дома, какая прелестная фигурка, какие глазки! – безо всякой брезгливости поднимает наманикюренными пальчиками осколки стекла и благосклонно кивает, слушая торопливый извиняющийся шепот неуклюжего Сирила.

Наконец они поднялись, и дама, с сожалением поглядев на покрытый мелкими осколками пол, пожала плечами. Метрдотель увидел, как пианист понимающе развел руками: да, танцевать невозможно. А судя по всему, танцы – главный интерес дамы в жизни. Ну что ж, такие вот птички созданы именно для того, чтобы танцевать и принимать цветы от восхищенных поклонников.

Спутник дамы расплатился, и пара быстро пошла к выходу. Метрдотель видел, как швейцар подал даме длинное уютное пальто, как открыл перед нею и ее кавалером дверь. Мелькнула коротко стриженная головка, стройная ножка... Ах, какая очаровательная дама! Не классическая красавица, но бесподобна, обворожительна! Истинная француженка!

Метрдотель послал вслед даме еще один восхищенный взор и сурово обернулся к Сирилу, который стоял перед ним с видом побитой собаки:

– Ну-с...

Между тем, едва отделившись от кабаре, молодой человек схватил свою спутницу за плечи:

– Что он сказал вам, Вики? Чем вы так взволнованы?

– Скорее, Ролан! – пробормотала она дрожащими губами. – Кирилл сказал, что вторжение в Россию начнется через неделю! Мы должны немедленно сообщить об этом полковнику Туни!

Ролан смотрел непонимающе:

– Что? Я ничего не понимаю!

И только тут «истинная француженка» спохватилась, что от волнения заговорила на своем родном языке – по-русски...

* * *

Она терпеть не могла свое имя. То есть имя-то было как раз очень красивое – Вера. Но красиво оно звучало только из русских уст. А французы произносили его как Ве́ра, что раздражало ее необыкновенно. Пожалуй, это единственное, что не нравилось ей во французах и их языке. И когда один приятель как-то раз назвал ее Вики, она пришла в восторг. Конечно, и тут, по этой несносной французской манере, ударение стояло на последнем слоге, однако Вики – пожалуй, звучнее и приятнее, чем Вера. И новое имя очень помогло ей выбросить из памяти воспоминания о бегстве из России.

Конечно, ей тогда было только девять лет, когда ее родители, бакинский вице-губернатор Аполлон Аполлонович Макаров и его жена Вера Алексеевна, пережив революцию и два кровавых года Гражданской войны, бежали через Константинополь в Париж. Сначала им казалось, что жизнь в Турции будет чем-то напоминать жизнь в Закавказье, но нет – Константинополь их, как и многих других русских беженцев, едва в гроб не загнал. Возможность поехать в Париж

восприняли как счастье, однако и тут медом не было намазано – никто их особо не ждал. Отец умер; мать и ее сестра, Верочкина тетка, держались обособленно от других эмигрантов и по крохам проживали вывезенные из России драгоценности. Денег только-только хватало платить за пансион мадам Дарзан на бульваре Шато.

Дома Верочке было не то что скучно, но просто невыносимо – уж очень унылыми дамами оказались матушка и тетушка. Верочка отличалась от них, как небо от земли: веселая, общительная, она мигом выучила французский (а заодно английский, итальянский и немецкий) и болтала на всех этих языках так бойко, что ее никто уже не принимал за русскую. Тем паче что и во внешности ее не было ярко выраженных славянских черт: глаза темные, волосы тоже темные, да еще она их стригла коротко (во-первых, с длинными волосами трудно, когда нет мыла, а во-вторых, ей эта короткая стрижка невероятно шла), неправильное подвижное лицо исполнено чисто французской пикантности – лицо из тех, которое можно назвать каким угодно, даже красивым. . . И ростом, и фигурой она выдалась не в матушку: была высокая, худющая, длинноногая, широкоплечая и узкобедрая. Такая юношеская фигура считалась в то время необычайно модной. Веселая, смешливая, ласковая, с чудными, сверкающими глазами, длинными, очень красивыми бровями и свежим большим ртом, напоминающим розовый цветок, *elle йtait ravissante*, как часто говорили о ней французы, – она была обворожительна! У нее всегда было море поклонников, которых не смущали ее простенькие платица и убогий дом, в котором она жила. Гораздо важнее то, что в присутствии Вики (ей было семнадцать, когда она потребовала называть себя только так и на имя Вера больше не отзывалась!) жизнь искрится и пенится, словно шампанское, а уж танцует эта длинноногая девчонка так, что у самых выносливых кавалеров ноги начинают уже заплетаться, а ей хоть бы что. Любимыми танцами ее были чарльстон и фокстрот, и она не раз хохоча заявляла, что главное – ночь протанцевать на хорошей танцевальной площадке, а потом. . . а потом по пословице: *après nous le déluge*.¹

Вообще в эмигрантских кругах она была притчей во языцех. Особенно когда стала подружкой (нет, одной из многочисленных подружек) Александра Бильдерлинга. Он тоже был русский, довольно долго вел обычное для эмигранта весьма недостаточное существование, как вдруг взял да и получил порядочное наследство от весьма состоятельного дядюшки. Разумные люди советовали Александру положить деньги в банк и жить на проценты. Конечно, тогда будет не до роскоши, но достаток твердый, думать о завтрашнем дне не потребуется. . .

¹ После нас хоть потоп (франц.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.